

Научная статья

УДК 101.1:316, 141.319.8

DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-2-32-39

Экспертиза как инструмент построения доверия

Александра Константиновна Дарченкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

darchenkova.ak@gmail.com

Аннотация

В работе рассматривается экспертиза как эпистемическая и социальная практика, которая обеспечивает возможность доверия в условиях информационной нестабильности и цифрового шума. Анализируются философские основания экспертности с опорой на концепции эпистемической добродетели (Л. Загзебски) и социальной природы знания (Р. Рорти). Проводится разграничение между когнитивным, эпистемическим, экспертным и этическим уровнями знания. Обосновывается, почему подлинная экспертность невозможна без личной ответственности субъекта и признания его суждений как заслуживающих доверия. Эксперт в современном мире предстает не просто носителем знаний, а участником публичного пространства, где его знание должно быть признано как подлинное и значимое.

Ключевые слова

экспертиза, доверие, экспертность, эпистемическая добродетель, ответственность, цифровая среда

Для цитирования

Дарченкова А. К. Экспертиза как инструмент построения доверия // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 2. С. 32–39. DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-2-32-39

Expertise as a mean for building trust

Aleksandra K. Darchenkova

Moscow State University

Moscow, Russia

darchenkova.ak@gmail.com

Abstract

The paper examines expertise as an epistemic and social practice that fosters trust in the face of information instability and digital noise. We analyze philosophical foundations of expertise drawing on the

© Дарченкова А. К., 2025

concepts of epistemic virtue (L. Zagzebski) and the social nature of knowledge (R. Rorty). A distinction between the cognitive, epistemic, expert, and ethical levels of expert knowledge is made. We explain why genuine expertise is impossible without the subject's personal responsibility as well as without the recognition of corresponding judgments as trustworthy. In the contemporary society, experts are seen not simply as bearers of knowledge, but as participants in a public space where their knowledge must be recognized as authentic and meaningful.

Keywords

expertise, trust, expertise, epistemic virtue, responsibility, digital environment

For citation

Darchenkova A.K., Expertise as a mean for building trust, *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 2, p. 32–39. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-2-32-39

Экспертиза как социальная и когнитивная практика возникла в общественной жизни задолго до последовательного введения понятий «экспертиза» и «эксперт». При этом важно подчеркнуть, что в качестве формально закрепленного понятия идея экспертизы появляется в праве и закрепляется в российском законодательстве в уголовно-процессуальных кодексах еще 1922 года ¹. Однако сама практика привлечения знающего человека для оценки ситуаций существовала веками. Уже в этимологии слова «экспертиза» (от лат. *expertus* – опытный, сведущий) прослеживается суть данной деятельности как обращение к знанию, основанному на опыте.

В современном обществе в условиях информационной турбулентности становится особенно важным понимать, что процесс принятия решений в различных сферах общественной жизни оказывается зависимым от экспертного анализа, от уровня проведенной экспертизы. Экспертиза становится инструментом управления рисками и растущей неопределенностью, создавая основу для принятия обоснованных решений ².

В этом контексте возникает вопрос о взаимосвязи экспертизы и доверия. Известно, что судебная экспертиза выступает ключевым элементом правосудия, поскольку помогает с помощью специальных знаний установить факты, влияющие на исход дела. Но может ли экспертиза претендовать на более широкую роль – механизма укрепления доверия в обществе? На наш взгляд, да, если она основана не только на формализованных процедурах, но и на принципах объективности, беспристрастности и признания границ знания. Именно эти философские основания в рассматриваемом контексте являются не только эпистемическими, но и этическими.

Объективность предполагает, что процесс и результаты экспертизы не зависят от сторон спора и методологически верифицированы. Беспристрастность относится к самому эксперту, говоря о его способности противостоять внешнему

¹ Нестеров А.В. Кто такой эксперт и что такое экспертиза? (22.11.2016). *Личный сайт профессора А.В. Нестерова*. URL: <https://nesterov.su/кто-такой-эксперт-и-что-такое-эксперти/> (дата обращения: 22.03.2025).

² Зиновьев Д. Экспертиза является ключевым инструментом для укрепления доверия к правовой системе и обеспечения справедливости. (14.05.2025). *Международный деловой журнал RBG – Russian Business Guide*. URL: <https://www.rbgmedia.ru/post.php?id=21549> (дата обращения: 22.03.2025).

давлению. Эти принципы придают экспертной оценке эпистемическую легитимность, ввиду чего она становится основанием для доверия.

Таким образом, экспертиза в различных областях человеческой деятельности может стать не просто юридическим или техническим институтом, а фундаментом для построения доверительных отношений, социально-философским механизмом, обеспечивающим воспроизводство доверия.

Рассмотрим, какие условия делают экспертизу источником доверия и каким образом формируется легитимность экспертизы в современном обществе.

Эпистемическая ответственность эксперта

Общество в ситуации роста социальной неопределенности все острее нуждается в достоверном и социально легитимном знании. В этом контексте экспертиза является не просто способом получения специализированного знания, но и формой эпистемической ответственности, то есть ответственности эксперта перед обществом за качество и последствия своей экспертной оценки. Это связано с тем, что высказывание эксперта не сводимо к просто частному мнению, а претендует на обоснованную позицию в определенной предметной области. Именно это придает экспертному высказыванию особый, авторитетный характер и возможность признания обществом.

Ключ к пониманию данной формы ответственности можно найти, в частности, в «Апологии Сократа» Платона, где формулируется идея о том, что подлинная мудрость заключается в признании границ собственного знания [Платон, 1990]. Так, в выражении Сократа «я коли уж не знаю, то и не думаю, что знаю» [Там же, с. 74 (21d)] не говорится о агностицизме, а проявляется интеллектуальная честность, отказывающаяся в подмене знания догмой.

Обращаясь к современной эпистемологии, такой подход соответствует концепции эпистемической добродетели (epistemic virtues), которую развивала в своих трудах Линда Загзебски (см., например, [Zagzebski, 1996]). Согласно данной концепции, эпистемические добродетели представляют собой такие характеристики личности, которые способствуют достижению истины, и знание нельзя отделить от этих личностных черт познающего субъекта: честность, добросовестность, стремление к полноте понимания, готовность к пересмотру и т.д. (см.: [Ibid., p. 137–138]). Отметим, что эти когнитивные навыки несут этическую нагрузку, отражают установку субъекта на истину как на ценность и, как пишет Загзебски, «выражают внутреннюю мотивацию человека быть достойным доверия» [Ibid., p. 104].

В ряду эпистемических добродетелей хотелось бы отдельно выделить способность отказаться от утверждения, если оно не прошло внутреннюю проверку, или признать область своего незнания. Это, по мнению Л. Загзебски, не является слабостью, а, наоборот, выражает эпистемическую зрелость субъекта [Ibid., p. 169–170]. Моральная и эпистемическая добродетель соединяются, по мысли Загзебски, в фигуре «интеллектуального агента», который действует не столько ради результата, сколько потому, что действовать иначе он как познающий субъект не может [Ibid., p. 240].

Экспертность в этом контексте представляется не просто статусом, а формой этически насыщенного эпистемического поведения. Иными словами, эксперт – это не только носитель знаний, но и обладатель эпистемических добродетелей, которые проявляются как в его суждениях, так и в отношении к истине. Это означает, что эксперт заслуживает признания и доверия не потому, что он знает все, а потому что обладает эпистемической добродетелью.

Таким образом, мы видим, что признание экспертного статуса невозможно без учета не только содержательной стороны знания, но и личных качеств субъекта, его транслирующего. Следовательно, экспертиза становится эпистемически значимой тогда, когда включает в себя два аспекта: когнитивный (знания) и этический (ответственность). Без этого единства экспертная оценка может остаться просто частным мнением, которое не способно выполнить свою социальную функцию – быть основанием для доверия.

Ричард Рорти, один из наиболее заметных представителей неопрагматизма, также отмечал, что знание всегда социально обусловлено (возникает и функционирует в контексте языка и культуры) и требует признания другими (см.: [Рорти, 1997]). Рорти, отказываясь от познания как отражения мира («зеркала природы»), приходит к пониманию знания как публичной практики. В этом смысле признание и доверие – не внешние атрибуты знания, а условия его существования [Там же, с. 170–178]. Следовательно, эксперт – не автономный носитель истины, а участник пространства доверия и аргументации, где его слово приобретает значение в силу того, что оно принимается как заслуживающее доверия.

Экспертиза – не просто заключение специалиста, а форма публичного суждения, которое нагружено как эпистемически, так и этически. Только тот эксперт, который способен сомневаться, быть открытым к критике, допускать свои границы познания, может считаться носителем экспертной ответственности. Так, экспертиза приобретает силу через признанное качество экспертного высказывания в социокультурном контексте. И это делает возможным доверие как признание достоинства мнения и высказывания эксперта.

Экспертиза в современном обществе перестает быть функцией индивидуального знания и переходит в социальный контекст, становясь формой публичного суждения, легитимность которого опирается на доверие, признание и ответственность. Иначе говоря, эксперт – это не просто знающий, но и заслуживающий доверия. Именно в этом пересечении знания и доверия формируется социальный смысл экспертизы.

От информации к знанию

В условиях цифрового общества граница между знанием и информацией становится неочевидной. Еще М. Кастельс назвал эпоху, в которую мы живем, информационной, подчеркивая, что информация стала не просто ресурсом, а буквально структурной основой всех сфер жизни (см.: [Кастельс, 2000]). Взаимоотношение между знанием и информацией – отдельная исследовательская тема, однако именно в системе экспертизы формируется фундамент различения того, что является знанием, и того, что представляет собой лишь поток данных (см.:

[Сорина, 2024, с. 10]). В философском смысле информация представляет собой лишь сигнал, в то время как знание является интерпретированной информацией, помещенной в определенный контекст и прошедшей через личный и культурный опыт познающего субъекта.

Если же рассмотреть искусственный интеллект (включая нейросети), активно развивающийся и используемый сегодня в различных областях общественной жизни, то он функционирует по другой логике: не знает, что он делает и почему он это делает. Его «экспертность» – результат статистических операций, а не проявление рефлексивного мышления. Именно в этом и заключается разница между знанием и информацией, собранной ИИ, чат-ботами, нейросетями и т.д. Первое включает в себя не только когнитивный аспект, но и этический: ценности, сомнения, эмпатию, признание границ собственного познания – все то, что делает возможным доверие.

Искусственный интеллект не различает истину и ложь, достоверность и неправду, поскольку лишен ответственности. Это равносильно тому, что Сократ в «Апологии» назвал позорным невежеством: «думать, что ты знаешь то, чего не знаешь» [Платон, 1990, с. 83 (29b)]. Следовательно, в философском смысле нейросети не могут являться носителями экспертного знания и несмотря на технологическую точность лишены эпистемического авторитета.

Подводя итог, скажем, что экспертиза как форма знания – осмысленного, обоснованного и признанного в социальном контексте – недостижима для машинных алгоритмов. Однако искусственный интеллект способен выполнять некоторые измерительные и аналитические функции, как, например, обработка больших массивов данных, выявление закономерностей, различные расчеты. В этом смысле искусственный интеллект может быть использован в качестве инструментального посредника, своего рода «измерительного прибора», подобно весам, секундомеру и другим приборам, фиксирующим отдельные параметры объектов или явлений.

Но экспертиза требует не только логической точности, но и философского измерения, которое представляет собой акт суждения, за который несет ответственность субъект, способный к интерпретации, к сомнению, к признанию границ своего знания. Да, алгоритм может быть функционально точен, но он лишен опыта, вовлеченности, мотивации, других этически значимых характеристик и, что особенно важно, возможности осознавать свое незнание [Сорина, 2024, с. 11]. А без способности к сомнению невозможна эпистемическая честность, которая является основой доверия.

Следовательно, доверие возникает не к данным как таковым, а к субъекту, который несет за них ответственность. Это доверие основывается не только на профессиональной компетентности субъекта, но и на выбранном представлении о том, как знание формируется и преподносится, с каким отношением к истине и к другим субъектам и представлениям.

Алгоритм может вычислить ответ, но не может сформулировать обоснованное и нравственно нагруженное суждение, воспринимаемое как заслуживающее доверия. Так, эксперт – не просто носитель информации, а человек, признанный способным к обоснованному и этически наполненному суждению в условиях не-

определенности и риска. А экспертиза – не функция, а форма высказывания, объединяющая в себе опыт, добродетель и ответственность.

Экспертность в условиях цифровизации

Если экспертность, как было сказано выше, предполагает не просто наличие знания, но и его подкрепление эпистемической ответственностью, а знание в отличие от информации ценностно и опытно насыщено, то в цифровую эпоху эта идея оказывается под угрозой. В условиях цифровизации знание теряет контуры, затмевается потоком информации, а различие подлинной экспертности и псевдоэкспертности становится все менее очевидным. В таких условиях истина часто предстает в виде симулякра по Бодрийяру – образа без связи с реальностью (см., например, [Бодрийяр, 2020, с. 5]). Тогда в качестве экспертного мнения могут быть поданы и комментарий блогера, и ответ чат-бота, и вывод академического исследования. Их эпистемический статус в глазах пользователя часто определяется не структурой знания, его обоснованностью, а риторикой, визуальной подачей или даже числом лайков (см.: [Миронов, 2019, с. 7]).

Такая ситуация подрывает сложившиеся формы легитимации экспертности. Ранее она обосновывалась преимущественно институциональными признаками – научная степень, должность, участие в научных сообществах, экспертных советах и т.д. Это служило своего рода маркерами доверия, подтверждающими признание со стороны системы. Однако даже раньше этих признаков было недостаточно для гарантии подлинной экспертности. А современные условия цифровой среды, информационного перенасыщения и доступности онлайн-платформ для выражения собственного мнения еще сильнее подсвечивают ограниченность сложившейся формы легитимации экспертности.

В этих новых условиях эксперт не может быть просто назначен системой, его слово должно заслужить доверие в открытом и конкурентном информационном пространстве. Экспертность смещается в поле эпистемического и культурного доверия, где важную роль играют личностные качества, публичная ответственность и способность к обоснованию и аргументации.

В этом контексте доверие как форма признания экспертности перестает быть данностью и становится задачей: ориентироваться в среде, насыщенной авторитетами, и различать, чему верить, кому верить и зачем верить. Это различие, на наш взгляд, предполагает развитие эпистемической ответственности и эмоционального интеллекта (в частности, интеллектуальной (когнитивной) эмпатии): умения разделять, например, аргументацию и риторику, компетентность и статус.

Именно в этом разделении возникает идея экспертной субъектности, которая заключается как в способности распознавать достоверное знание, так и нести ответственность за свои эпистемические действия. Экспертность выступает формой зрелого познания, в которой объединяются когнитивная компетентность и этическое ограничение.

Таким образом, эксперт – это не только тот, кто знает, но и тот, кто способен отличить обоснованную истину от внешне убедительных, но ложных знаний.

Эксперт выступает как бы гарантом эпистемической надежности, потому что его знание этически наполнено: оно не просто результат механической обработки информации, а выражает личную ответственность и внутреннюю честность. И в этом смысле формирование экспертности является не только профессиональной, но и нравственной задачей, требующей от человека не только знаний, но и стремления быть достойным доверия в ситуации множества мнений.

Заключение

Экспертиза, будучи формой социальной и эпистемической практики, занимает важное место в современном обществе, которое стремится к устойчивости на фоне нарастающей информационной и социальной нестабильности. Как показано в статье, подлинная экспертность не сводится исключительно к наличию знаний или профессионального статуса, она предполагает и внутреннюю культуру мышления, основанную на ответственности. И это не сводится к когнитивным способностям, а представляет собой этический аспект деятельности.

Понимание экспертности требует различения между следующими рассмотренными уровнями.

- Когнитивный аспект связан с процессами обработки и обоснования знания. Это уровень логики и аргументации.
- Термин «эпистемический» охватывает природу, условия и обоснованность знания (включая доверие).
- Понятие «экспертный» подчеркивает социально признанный статус субъекта, который обладает знанием и способностью формулировать обоснованные суждения в условиях неопределенности.
- Этический аспект связан с внутренней установкой субъекта: интеллектуальной честностью, готовностью к признанию ошибок и пересмотру результатов, принятием границ собственного знания.

Экспертность возникает на пересечении этих признаков как форма эпистемической деятельности, требующая одновременно и когнитивных навыков, и этической зрелости.

В цифровую эпоху, характеризующуюся бесконечными информационными потоками и информационным шумом, задача эксперта заключается не только в том, чтобы сформулировать решение той или иной проблемы, но и сделать так, чтобы его знание было признано как знание, а не его имитация.

В этом смысле экспертиза сегодня требует переосмысления: из узко специализированного знания она становится культурной практикой, объединяющей в себе различные направления, такие как философия, педагогика, политика и т.д. Неизменным остается то, что в центре этой практики – человек, способный знать и сомневаться, утверждать там, где знает, и не утверждать там, где не знает. Именно такой подход сохраняет подлинную экспертность как форму ответственности за то, что и как мы знаем.

Список литературы

- Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляции. М.: Добросвет, 2020. 240 с.
- Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 609 с.
- Миронов В. В.** Платон и современная пещера Big-Data // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24.
- Платон.** Собрание сочинений: в 4 т. / Общ. ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 860 с.
- Рорти Р.** Философия и зеркало природы / Пер. В.В. Целищева. Новосибирск: НГУ, 1997. 320 с.
- Сорина Г. В.** Экспертный характер педагогической деятельности. // Изв. Росс. акад. образования. 2024. № 4. С. 6–18.
- Zagzebski L.** Virtues of the mind: an inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 384 p.

References

- Baudrillard J.** Simulacra and Simulations. Moscow: Dobrosvet, 2020. (in Russian)
- Castells M.** The Information Age: Economy, Society, and Culture / Transl. by O.I. Shkaratan. Moscow: HSE Press, 2000. (in Russian)
- Mironov V. V.** Plato and the Modern Big-Data Cave // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology. 2019. Vol. 35. Issue 1. P. 4–24. (in Russian)
- Plato.** Collected Works in 4 Volumes. Vol. 1 / General editor A.F. Losev. Moscow: Mysl, 1990. (in Russian)
- Rorty R.** Philosophy and the Mirror of Nature / Transl. by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: NSU Press, 1997. (in Russian)
- Sorina G. V.** Expert nature of pedagogical activity. // Bulletin of the Russian Academy of Education. 2024. No. 4. P. 6–18. (in Russian)
- Zagzebski L.** Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Информация об авторе

Александра Константиновна Дарченкова

аспирант кафедры философии языка и коммуникации, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Aleksandra K. Darchenkova

PhD-Student, Department of Philosophy of Language and Communication, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редколлегию 22.04.2025;

одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.

The article was submitted 22.04.2025;

approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 28.04.2025